

- те: Дисс. ... канд. филол. наук. – Курск, 1990. – 241 с.
7. Потенба А.А. Символ и миф в народной культуре. – М., 2000. – 480 с.
8. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. – Харьков, 1881. – 210 с.
9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – Т. 2. – 690 с.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – 512 с.

УДК 81'26

**Чистяков А.В.**

*Московский государственный областной университет*

## **ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ В ТЕКСТАХ МАНИФЕСТОВ СЕРЕДИНЫ XVIII В.**

*A. Chistyakov*

*Moscow State Regional University*

## **THE FEATURES OF EPITHETS USING IN THE MANIFESTS IN THE MIDDLE OF 18th CENTURY**

*Аннотация.* В статье рассмотрены случаи использования эпитетов в деловой письменности на примере текстов манифестов XVIII в., проанализированы случаи употребления данного средства выразительности и особенности семантики образующих его лексем. На основании разбора актов середины XVIII в., в сопоставлении с последующими документами, показывается, что в этот период характерной чертой данного жанра делового языка является совмещение принятых в делопроизводстве норм и правил с индивидуально-авторскими особенностями языка.

*Ключевые слова:* деловая письменность, риторика, стилистика, эпитет, манифест.

*Abstract.* The paper is devoted to the cases of epithets using in the business writing on the example of the manifests in the 18th century; both the occurrences of this means of expression and features of the semantics of its constituent lexemes were analyzed. Basing on the parsing of acts of the mid 18th century and in comparison with later documents, it is shown that in this period the characteristic feature of this genre of business writing was a combination of record keeping rules and regulations with the individual-author features of the language.

*Key words:* business writing, rhetoric, stylistics, epithet, manifest.

Проблеме эпитета посвящено много научных работ, тем не менее во всестороннем понимании этого понятия и его использования в речи остается ряд неизученных вопросов.

В частности, в лингвистике не разрешена проблема, каким образом лексическое значение слова наполняется эмотивным компонентом. В речевой ситуации любое слово может получить особое значение, отражающее эмоциональное отношение говорящего к предмету речи. И если существует множество качественных прилагательных, изначально включающих в свою семантику коннотативный элемент, то и стилистически нейтральные слова могут выступить как средства выражения экспрессии.

Нами были рассмотрены манифесты первых лет правления Екатерины II: именно в этот период данный жанр деловой письменности начинает активно развиваться и использоваться. За 8 лет (в период с 1762 по 1769 гг.) их было издано 27; посвящены они были самым различным сторонам государственной жизни: коронации императрицы, военным событиям, вве-

дению новых законов, единичным случаям помилования или наказания и т. д.

В манифестах активно использованы различные риторические приемы, средства усиления изобразительности и выразительности, среди которых встречаются и эпитеты. Под последними мы понимаем стилистический прием в широком смысле – как «слово – определение, сопутствующее слову – определяемому» [3, с. 613].

Эмоциональная составляющая языка традиционно анализируется с учетом следующих основных категорий: оценочности, экспрессивности и эмоциональности. Несмотря на то что характер их взаимодействия неоднозначно истолковывается исследователями и является предметом активного научного изучения, можно выделить одно определяющее свойство – это «фактор субъективного, который противопоставляет эти категории друг другу, отражающим объективную реальность, объективные отношения и свойства среды, реальные связи и отношения между ними» [8, с. 152]. Именно этот критерий, как определяющий, положен нами в основу для идентификации эпитетов в текстах манифестов. Таким образом, за рамками нашего анализа оказываются следующие определения:

- имеющие терминологический характер (*высочайше утверждённый докладъ* [4, с. 342], *питейная продажа* [5, с. 198]);

- вносящие логические дополнения для характеристики реального предмета или объекта действительности (*пъхотный Смоленский полкъ* [4, с. 895], *о Государственных соляныхъ и винныхъ сборахъ* [5, с. 198]);

- являющиеся атрибутами делового текста, то есть стандартизованные языковые формулы (*вышеизображенныя намъренія* [5, с. 199], *вышеозначенныя опредѣленія* [5, с. 110]);

- притяжательные прилагательные (*прицать сею Мироновичевою измѣною* [5, с. 895], *Матернее попеченіе* [4, с. 125]);

- относительные прилагательные (*въ ка-торжную работу* [4, с. 93]);

- субстантивированные прилагательные (*злoderзскій сей у него похищаетъ* [4, с. 92]).

Собственно эпитеты были обнаружены не во всех текстах, а лишь в 18 из них, причем первый манифест, в котором они не встречаются, является 8-м по счету с начала вступления Екатерины II на престол; при этом прослеживается вполне определенная тенденция к уменьшению их количества. Проиллюстрируем данное наблюдение.

Манифестов за 1762 г. было издано 8, в 7 из них эпитеты есть.

За 1763 г. – всего также 8, эпитеты есть в 5 из них.

За 1764 г. – всего 3, эпитеты есть лишь в 2.

За 1765 г. – всего 3, эпитеты есть только в 1.

За 1766 г. – всего 1, в нем эпитеты есть.

За 1767 г. – всего 1, эпитетов нет.

За 1768 г. – всего 2, эпитеты есть в 1.

За 1769 г. – всего 1, эпитетов нет.

Если рассмотреть манифесты конца XVIII – начала XIX в., то тенденция к уменьшению количества текстов, содержащих эпитеты, подтверждается. Так, в частности, в 1800 г. находим один манифест «О кончинѣ Великой Княжны Маріи Александровны»; что показательно: он относится к разряду печальных и в то же время содержит всего 1 эпитет, тематически оправданный: *вечное блаженство* [8, с. 246]. В 1801 г. было издано 13 манифестов; 6 из них (то есть почти половина) стремятся к стилистической нейтральности и эпитетов не содержит.

Манифесты, по классификации М.Л. Магницкого [2], в большинстве своем одни и те же, поэтому употребление / неупотребление средств выразительности не является атрибутом того или иного вида – торжественного, военного, узаконительного. Таким образом, даже если принять во внимание общее число изданных погодично манифестов, становится ясно, что постепенно количество эпитетов сокращается, что может служить признаком обретения текстом большей конкретики и меньшего проявления языковой личности автора.

С точки зрения частотности эпитетов в одном тексте сложно проследить подобную закономерность снижения их численности,

так как объем отдельных манифестов варьируется; однако обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее их количество в интересующем нас периоде встречается в законе от 1 сентября 1763 г. «Объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома, съ особливимъ гошпиталемъ для неимущихъ родильницъ». Данное наблюдение объясняется тем, что манифест в качестве приложения содержит доклад к императрице, и именно в нем используется большое количество сравнений, метафор и эпитетов, которых насчитывается 19 – больше, чем в любом другом манифесте.

В остальных 15 манифестах, содержащих эпитеты, их употребление таково: по одному тексту, содержащему 1, 4, 6, 8, 10 эпитетов; по два текста, в которых встречается 7 и 3 эпитета; три текста, содержащих 2 эпитета; 4 текста с 5 эпитетами.

Таким образом, еще рельефнее подчеркивается происходившее отделение манифестов от других жанров деловой письменности. Именно за счет изначальной постановки высшего государственного лица в качестве адресанта речи неизбежно уменьшается количество отклонений от нейтрального типа текста. Во-первых, в нем не могла уже использоваться сниженная и необщепотребительная лексика, во-вторых, так как этот текст по сути являлся законодательным, он должен был достаточно конкретно определить и охарактеризовать суть нововведений и законов, чтобы служить четким указанием к действию. Поэтому в лексический состав основной части текста должны были входить конкретные наименования, исключающие различные истолкования и интерпретации аудитории, в то время как экспрессия допускалась в основном лишь в начальном блоке, служащем вступлением к главной теме, а также в немногочисленных отступлениях, призванных акцентировать внимание слушателей на нужной проблеме либо убедить их в правильности принятого закона, используя, таким образом, «довод к пафосу» (см. об этом: [12]).

Что касается структуры и семантики использованных в манифестах эпитетов, то необходимо отметить следующее.

Исходя из классификации, предложенной И.Р. Гальпериным (см. подробнее: [1]), можно выделить эпитеты языковые и речевые.

К языковым, воспроизводимым в речи в готовом виде, относятся такие эпитеты, как: *присягу Намъ торжественную учинили* [4, с. 3], *законному Всероссійскаго Престола Наслѣднику* [4, с. 3], *къ Ея Императорскаго Величества вѣрной службѣ* [4, с. 3], *не могли не имѣть на совѣсти Нашей праведнаго страха* [4, с. 13], *многими кровопролитными сраженіями* [4, с. 70], *къ сему достохвальному намъренію* [4, с. 91], *печальное зрѣлище* [5, с. 618], *непримиримый имени Христіанскаго врагъ* [6, с. 762].

Чаще встречаются речевые эпитеты – те, которые используются в конкретном тексте; и они лучше характеризуют специфику языка автора. Таких образцов немало находим в манифестах: *строгой поступокъ отъ великодушной и всегда милосердой Государыни* [4, с. 64], *за вѣсьильную Его дарованную Намъ въ ономъ предпріятіи помощь* [4, с. 3], *достойное сожалѣніе* [4, с. 65], *сердца ихъ поврежденныя* [4, с. 69], *будетъ предъ глазами Нашими почитаемо за истинную къ Намъ подданническую вѣрность* [4, с. 71], *разумной и благонамеренной сынъ отечества* [4, с. 92], *къ чувствительному Нашему сожалѣнію, въ злодѣйскомъ его умыслѣ* [4, с. 71], *продерзливые люди* [4, с. 134], *зловредные истолкователи* [4, с. 270], *благопристойнымъ образомъ* [4, с. 303], *чрезвычайныя щедроты и милости* [4, с. 344], *безчеловѣчныя матери* [4, с. 345], *угнѣтающая бѣдность* [4, с. 458], *несчастливья руки* [6, с. 411], *неутолимая ея хищность* [6, с. 762], *драгоценнаго покоя* [6].

Именно эта группа наиболее экспрессивна и содержит архаизмы и другие слова, принадлежащие к высокой лексике. «Словарь русского языка XVIII в.» содержит статьи, подтверждающие высокую степень признака или качества, выражаемую данными прилагательными. Приведем для иллюстрации следующие примеры:

«Безчеловѣчный – крайне жестокий, безжалостный» [9, с. 16].

«Благопристойный – наиболее подходящий для чего-л.; сообразный с чем-л.» [9, с. 44].

«Всесильный – всемогущий» [10, с. 149].

«Достохвальный – достойный похвалы, восхваления» [11, с. 237].

«Драгоценный – имеющий большое значение, нужный, полезный, важный» [там же, 249].

Что касается тематического значения эпитетов, то все они либо уточняют нужную сторону в изображении события, либо только выражают отношение автора к нему.

Большинство эпитетов построено по следующей модели: прилагательное в препозиции и определяемое существительное. Случаи постпозиции также встречаются, однако они крайне редки; в наших текстах их обнаружено всего 3 (*злодѣевъ отчаянныхъ* [4, с. 91], *Государыня Всемилостивѣйшая* [4, с. 343], *сердца ихъ поврежденныхъ* [4, с. 69]), за счет подобной инверсии, не характерной для русского языка, достигается особое выражение экспрессии. При этом очень часты случаи употребления в качестве прямых определений сложных прилагательных (*нелицетѣрный, великодушный, милосердый, кровопролитный, благонамеренный, чистосердечный, богомерзкий, зловредный, достохвальный*), которые сами по себе несут окраску оценочности. Соответственно, и образованные таким путем сложные эпитеты подчинены выполнению той же функции – яркой оценке, не оставляющей возможности иного комментирования события, описываемого в тексте. Кроме того, в этих же целях возможно использование прилагательного в превосходной степени сравнения (*милостивѣйшаго призрѣнія удостоиваете, для всеподданнѣйшаго Намъ поднесенія* [4, с. 344], *Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня* [4, с. 345]).

Исходя из принципа ассоциированности / неассоциированности эпитетов, можно сделать вывод, что эпитетов первого типа используется значительно больше, и это понятно, так как целью любого закона является прежде всего яркое убеждение, а не создание

образной художественной реальности, как в литературных текстах. Это, например, такие эпитеты, как *за всѣсильную Его дарованную Намъ въ ономъ предпріятіи помощь* [4, с. 13], *усердныя къ Богу приносили молитвы* [там же], *злодѣевъ отчаянныхъ* [4, с. 91].

Среди неассоциированных наибольшую группу составляют эпитеты, в основе которых лежит метафора, благодаря чему некоторая образность и выразительность не мешает однозначному пониманию словосочетания: *неизчерпаемое богатство* [4, с. 313], *угнѣтающая бѣдность* [4, с. 313], *звѣрскія злодѣянія* [4, с. 347], *рѣшительное свое намѣреніе* [4, с. 313], *слѣпому счастью преданы* [4, с. 345].

Эпитеты всегда имеют экспрессивную окраску, какое-то эмоциональное значение, вследствие чего они всегда содержат субъективную оценку, выражающую проявление индивидуальности автора, и это справедливо для любого текста. Законодательство же XVIII в., следуя по пути кодификации и нормированности, приближалось к унифицированной, обезличенной речи, подчиненной определенным внешним правилам оформления и четкой внутренней организации текста. Вследствие этого средства выразительности, в том числе и эпитеты, оказались в сложном положении, испытывая воздействие этих двух разнонаправленных сил. С такой точки зрения манифесты явились благоприятной почвой для их объединения, так как они допускали отклонения от стилистически нейтральной речи и при этом оставались полноценным жанром деловой письменности.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2006. – 137 с.
2. Магницкий М.Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. – М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835. – 120 с.
3. Петровский М. Эпитет // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – Т. 2. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
4. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. – Т. XVI. –

- Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 1018 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. – Т. XVII. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 1135 с.
  6. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. – Т. XVIII. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 1033 с.
  7. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. – Т. XXVI. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 875 с.
  8. Пустошило Е.П. Категории эмоциональности, оценочности, экспрессивности: общее и специфика // Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть 1. Е.Д. Поливанов. Проблемы социолингвистики. Вопросы методики. Лексикография. Смоленск, 2-3 октября 2009 года. – Смоленск: СмолГУ, 2009. – С. 150-154.
  9. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Вып. 2. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. – 247 с.
  10. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Вып. 4. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1988. – 256 с.
  11. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Вып. 6. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1991. – 256 с.
  12. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. – Ростов-на Дону: изд-во Рост. ун-та, 1994. – 190 с.